

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Юридический факультет
Кафедра уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора

КУРС УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Под редакцией
доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой
уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора
юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Л.В. Головки

4-е издание, исправленное и дополненное

УДК 343.1
ББК 67.404.4
К93

К93 **Курс уголовного процесса** / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки ;
Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, юридический фак., каф.
уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. — 4-е изд., испр.
и доп. — Москва : Статут, 2025. — 1041 с.

ISBN 978-5-8354-2044-5 (в пер.)

Четвертое издание Курса уголовного процесса, подготовленное коллективом кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, существенно обновлено с учетом развития уголовно-процессуального права и уголовно-процессуальной науки. Курс отражает многолетний опыт преподавания данной дисциплины в Московском университете и результаты проводимых на кафедре научных исследований. В его основу положены достижения современной российской и зарубежной теории уголовного процесса, нормативная составляющая и правоприменительная практика.

Рекомендуется студентам, изучающим уголовный процесс по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, аспирантам, преподавателям и научным сотрудникам высших учебных заведений и научных учреждений юридического профиля, а также лицам, участвующим в законотворческом процессе, работникам судебных и правоохранительных органов, адвокатам и иным практикующим юристам.

УДК 343.1
ББК 67.410.2

ISBN 978-5-8354-2044-5

© Коллектив авторов, 2016
© Коллектив авторов, исправления и дополнения, 2025
© Редподготовка, оформление, переиздание.
Издательство «Статут», 2025

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Арутюнян Анна Аветиковна, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — § 5 гл. 2; § 5 гл. 8; § 1 гл. 26; § 1 гл. 34.

Васильев Олег Леонидович, д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — § 13 гл. 7; § 1–8, 11–13 гл. 14 (совместно с Л.В. Головки); § 1–4 гл. 15; гл. 20.

Ветрова Галина Николаевна, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — гл. 25.

Головки Леонид Витальевич, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — § 1, 2, 4–8 гл. 1; § 1 и 4 гл. 2; гл. 3–5; § 9 гл. 7; п. 8 § 4 гл. 8; гл. 9; § 1–6, п. 1–4 § 7, § 8–12 гл. 10; гл. 11; § 1–3 гл. 12; § 1–8, 11–13 гл. 14 (совместно с О.Л. Васильевым); § 5 гл. 15; гл. 17 (совместно с Е.И. Жидковой); гл. 18; § 2–6 гл. 21; гл. 24; § 2 и 3 гл. 26; гл. 27, 32 и 33.

Жарёнов Александр Алексеевич, канд. юрид. наук, ассистент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — п. 2 § 4 гл. 7; § 5 гл. 12.

Жидкова Елена Игоревна, канд. юрид. наук — п. 1–6, 8, 9 § 2 гл. 2; § 9 и 10 гл. 14; гл. 17 (совместно с Л.В. Головки).

Ивасенко Кристина Вадимовна, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — гл. 28–30.

Ильютченко Наталия Владимировна, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — гл. 6; п. 4.1 и 4.2 § 5 гл. 22.

Коновалов Сергей Геннадьевич, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — п. 7 § 2 гл. 2; п. 5 § 7 гл. 10; § 4 гл. 12 (совместно с М.А. Михеенковой); п. 4.3 § 5 гл. 22; п. 4 § 2 гл. 23; гл. 31.

Михеенкова Мария Андреевна, канд. юрид. наук — п. 7 § 4 гл. 8; § 4 гл. 12 (совместно с С.Г. Коноваловым); § 2, 3, 5 гл. 35 (совместно с А.Ю. Чекотковым).

Романов Станислав Владимирович, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — § 3 гл. 1; § 3 гл. 2; § 1–3, п. 1 § 4, § 5–8, 10–12 гл. 7; § 1 и 2, п. 1–4, 6 § 4 гл. 8; гл. 16; § 1–4, п. 1–3 § 5, § 6 и 7 гл. 22; § 1, п. 1–3, 5 § 2, § 3 гл. 23.

Филяшин Алексей Сергеевич, ассистент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — гл. 19.

Чекотков Артем Юрьевич, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — п. 5 § 4, § 6 гл. 8; § 1, 4, 6 гл. 35, § 2, 3, 5 гл. 35 (совместно с М.А. Михеенковой).

Чекулаев Дмитрий Петрович, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — § 3 гл. 8; гл. 13; § 1 гл. 21; § 2 гл. 34.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

С момента выхода первого издания данного курса (2016 г.) прошло уже почти десять лет, а если учитывать достаточно продолжительный период его написания, то больше. За это время в уголовном процессе произошло немало изменений: они накапливались, что-то трансформируя более или менее кардинально, что-то — не очень, но интегрировать их сугубо технически, без определенной, пусть и «мягкой», структурной перестройки курса возможности уже не осталось. Это проявилось еще при подготовке в 2020 г. его третьего издания (вышло в 2021 г.) и стало совершенно очевидным сейчас.

Дело даже не в выходе России из Совета Европы и из-под юрисдикции ЕСПЧ, что как раз внесения каких-либо серьезных качественных изменений в содержание не потребовало, вынудив лишь произвести сугубо редакционные модификации и переместить акцент с положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. на фактически идентичные положения российской Конституции и иных, по-прежнему актуальных для нас, международно-правовых актов (например, Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.). Это далеко не самое трудное. Произошли куда более важные изменения, причем не только в законодательстве и судебной практике (хотя и в них тоже), но и во взглядах членов авторского коллектива на те или иные проблемы, в их оценке, понимании и т.п., ведь уголовно-процессуальная наука не стоит на месте, в том числе на нашей кафедре, обогащаясь новыми исследованиями, которые необходимо было имплементировать в живую ткань курса.

С течением времени изменился и персональный состав кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ. Никуда не уйти от неизбежного «иных уж нет, а те далече», одновременно в коллектив влились новые молодые ученые, с одной стороны, по традиции представляющие уголовно-процессуальную школу Московского университета, но с другой — имеющие право на собственные подходы, свое видение уголовно-процессуальных проблем и институтов.

По всем отмеченным причинам четвертое издание курса является не просто его очередным дополненным переизданием, но изданием во многих аспектах по-настоящему новым. Во-первых, несколько изменилась структура курса: появились новые параграфы и пункты параграфов, в то же время какие-то части были переосмыслены, обобщены и за счет этого сокращены. Во-вторых, некоторые главы и параграфы написаны полностью по-новому, нередко — другими авторами и по содержанию не имеют ничего общего с предыдущими изданиями данного труда.

Но искренне рассчитываем, что не будут разочарованы и те читатели, которым курс уже успел полюбить по его первым трем изданиям. Нашей целью было не привнесение изменений ради самих изменений и уж тем более не отход от его стиля и духа, а лишь улучшение содержания исключительно там, где оно требовалось в связи с эволюцией правового материала и развитием кафедры в кадровом плане. *Ne quid nimis*¹ — вот то правило, которому мы старались следовать при частичной оптимизации структуры и содержания курса. Остается надеяться, что это получилось.

Л.В. Головкин
Июнь 2024 г.

¹ Ничего сверх меры (Теренций).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Подготовленный кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова курс уголовного процесса находится на пересечении двух традиций. Одна из них связана с научно-педагогической уголовно-процессуальной школой Московского университета, а другая выходит далеко за ее пределы.

МГУ всегда считал своей обязанностью готовить собственные учебники по уголовному процессу. Но делал это достаточно долго и тщательно, без излишней суеты и малопродуктивного «упрощения» материала с целью превратить учебник в «методичку» по подготовке к экзамену. Поэтому за всю богатейшую историю изучения и преподавания уголовного процесса в Московском университете учебников по данной дисциплине на самом деле было издано немного — выход каждого из них являлся событием и знаменовал этап развития уголовно-процессуальной школы МГУ, а вместе с ней и всей российской доктрины уголовного процесса. В дореволюционный период были изданы учебники М.В. Духовского (1905 г.), С.И. Викторского (1911 г.), С.В. Познышева (1913 г.) и Г.С. Фельдштейна (1915 г.). Уже в советский период свои авторские учебники выпустили сменявшие друг друга на посту заведующего кафедрой уголовного процесса МГУ А.Я. Вышинский (1927 г.) и М.С. Строгович (основное издание 1946 г.). Затем пришла традиция коллективных кафедральных учебников. Первым из них стал учебник советского уголовного процесса под редакцией заведующего кафедрой уголовного процесса МГУ Д.С. Карева (издания 1953, 1968, 1975 гг.). Два десятилетия спустя, уже в постсоветский период, возглавивший в 1987 г. кафедру уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ К.Ф. Гуценко начал работу по подготовке второго коллективного кафедрального учебника. Первое издание учебника «Уголовный процесс» под редакцией К.Ф. Гуценко увидело свет в 1996 г. Затем этот учебник регулярно переиздавался, последний раз в 2006 г. Несколько лет назад кафедра приступила к написанию нового учебника, с одной стороны, отличающегося от предшествующих по структуре, содержанию, отчасти по форме, но с другой — опирающегося на заложенные ими традиции.

По ходу погружения в работу выяснилось, что речь должна идти не просто об учебнике, но о полноценном курсе уголовного процесса. К тому же нехватка такого курса сегодня остро ощущается не только в педагогическом, но и в доктринальном плане. Здесь мы сталкиваемся уже с другой, причем общеевропейской, традицией: разграничения учебника (например, фр. *manuel*) и курса (например, фр. *traite*) по той или иной правовой дисциплине. Эта традиция прекрасно известна и в России, в том числе в сфере уголовного процесса. В отличие от учебника, имеющего в большей мере прикладную задачу по подготовке студентов, «курс уголовного процесса относится к числу фундаментальных трудов, сочетающих в себе обобщение достижений теории и практики применения законодательства»¹. В сегодняшних условиях курс должен, конечно, «без гнева и пристрастия» (*sine ira et studio*) обобщать не только достижения, но и недостатки развития законодательства и правоприменительной практики, не говоря уже об историческом

¹ Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.И. Бойкова и И.И. Карпеца. М., 1989. С. 4.

и сравнительно-правовом анализе, без которого подлинная теория немислима. Все это не исключает не только возможность, но и необходимость использования курса в учебном процессе, причем независимо от того, идет ли речь о подготовке бакалавров, магистров, аспирантов или повышающих свою квалификацию дипломированных специалистов¹.

В России имеется богатая история создания курсов уголовного процесса, что связано не с количеством (их немного), а с качеством соответствующих работ. Некоторые из них до сих пор остаются базовыми для уголовно-процессуальной науки. В дореволюционный период речь, конечно, идет о созданном в 1884–1897 гг. курсе уголовного судопроизводства И.Я. Фойницкого в двух томах, выдержавшем до 1917 г. ряд изданий. В первые советские годы появляется уже упоминавшийся курс А.Я. Вышинского (1927 г.). Через 30 лет выходит курс советского уголовно-процессуального права М.А. Чельцова-Бебутова (1957 г.), ограничившийся лишь первым томом. Центральным для советского периода уголовно-процессуальной науки стал курс уголовного процесса М.С. Строговича в двух томах (1968–1970 гг.), во многом остающийся хрестоматийным (первое однотомное издание данного курса вышло в 1958 г.). В 1989 г. появился первый коллективный курс уголовного процесса, изданный под эгидой ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ под редакцией А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца, который, впрочем, остался незавершенным (свет увидела только «Общая часть»). Наконец, в постсоветский период был подготовлен курс уголовного судопроизводства в трех томах под редакцией В.А. Михайлова (также коллективный), опубликованный в 2006 г. в г. Воронеже и не получивший столь широкого распространения, как хотелось бы. Предлагаемый курс следует сложившейся за почти полтора века традиции, но с учетом, разумеется, современного уровня развития уголовно-процессуального права и уголовно-процессуальной науки в России и за рубежом.

Таковы «доктринальные корни» данного курса уголовного процесса, предопределившие сам замысел. Его реализация в свою очередь отражает обширный опыт преподавания и многолетние научные исследования коллектива кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. О том, насколько этот замысел удался, судить предстоит уже всем заинтересованным читателям, изучающим уголовный процесс.

Л.В. Головкин

¹ По этой причине кафедра уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ пришла к единодушному решению отказаться от получения какого-либо «грифа» об официальной рекомендации курса «в качестве учебника» для вузов, поскольку по существующим сегодня требованиям такая рекомендация непременно должна содержать «ограничительное» уточнение, идет ли речь о бакалаврах, магистрах и т.д. В случае с курсом такое сугубо бюрократическое «уточнение» не только лишено смысла, но и способно привести к негативным последствиям в учебном процессе, поскольку овладение фундаментальными знаниями о доктринальной основе уголовного процесса как одной из базовых юридических дисциплин необходимо абсолютно всем: от студентов, претендующих на диплом бакалавра права, до практикующих следователей, судей или адвокатов, не говоря уже о магистрантах, аспирантах, преподавателях и т.д.

Глава 1. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Литература

Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. 4-е изд. Т. 1. СПб., 1912. (переизд.: СПб., 1996); **Случевский В.К.** Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. 4-е изд. СПб., 1913 (переизд.: М., 2008); **Полянский Н.Н.** Суд в правовом государстве и наука уголовного процесса // Юридический вестник. Изд. Моск. Юрид. Об-ва. 1916. № 16 (4); **Полянский Н.Н.** Цель уголовного процесса. Ярославль, 1919; **Строгович М.С.** Уголовный процесс. М., 1946; **Элькинд П.С.** Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963; **Давев В.Г.** Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1982; **Ларин А.М.** Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. М., 1985; Великая реформа: к 150-летию Судебных уставов. Т. II: Устав уголовного судопроизводства / Под ред. **Л.В. Головки.** М., 2014; **Головка Л.В.** Государство и его уголовное судопроизводство. М., 2022; **Packer H.L.** Two Models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. Vol. 113. November 1964. № 1.

§ 1. Уголовный процесс и уголовное судопроизводство: соотношение понятий

Уголовный процесс представляет собой универсальное явление, характерное для правовой системы любого государства, каковы бы ни были ее национальные особенности. В этом смысле он является *классическим* элементом системы права, без которого даже теоретически невозможно себе представить правовое регулирование. В то же время обязательное присутствие уголовного процесса в той или иной правовой системе, конечно, не означает, что он везде существует в идентичной и неизменной форме. Поэтому необходимо различать универсальность уголовного процесса как *общего понятия* и его разнообразие в плане организации, правового оформления, практики применения и т.п. при *конкретном воплощении* данного понятия в отдельном государстве в соответствующую историческую эпоху. Иными словами, уголовный процесс существует везде, но единого стандарта уголовного процесса никогда не было, нет и быть не может, по крайней мере на сегодняшний день. В силу этого юридино-техническое понимание уголовного процесса всегда отражает определенные национальные представления о нем и определенный исторический опыт конкретного государства¹.

Универсальность общего понятия уголовного процесса объясняется механизмом реакции государства на преступление, т.е. деяние, запрещенное под страхом уголовного наказания. В правовом смысле наказание никогда не является автоматическим следствием преступления, причем не только потому, что некоторые преступления остаются неизвестными органам государственной власти (латентная преступность), а другие – нераскрытыми. Даже в том оптимальном случае, когда правоохранительным органам становится известно о преступлении и они имеют все основания предполагать, кто его совершил, такого рода предположения сами

¹ О научной обработке разнообразных вариантов уголовного процесса, специфике российского развития и современной уголовно-процессуальной карте мира см. гл. 3–5 настоящего курса.

по себе не имеют никакой юридической силы и не влекут уголовного наказания. Для применения последнего во всех без исключения случаях требуется официально начать производство по уголовному делу, выяснить все его обстоятельства, установить обвиняемого и собрать доказательства его виновности, предоставить обвиняемому все возможности для защиты, передать материалы уголовного дела в суд, после чего произвести судебное разбирательство данного уголовного дела и разрешить его по существу в форме приговора, предоставив тем, кто недоволен приговором, возможность обжаловать его в вышестоящие судебные инстанции. Только такая деятельность, которая протекает в строго установленных *процессуальных формах* и отделяет момент обнаружения преступления от момента решения судом вопроса о наличии или об отсутствии оснований для уголовной ответственности, дает государству право наказывать виновных независимо от того, какие бы тяжкие преступления они ни совершили. Без уголовного процесса конкретные преступления могут существовать только в латентной (скрытой) форме в качестве социального феномена, не получившего официальной констатации со стороны государства, а конкретные наказания вовсе являются невозможными. Любая государственная регистрация отдельного гипотетического преступления с неизбежностью означает начало процессуальной деятельности, независимо от того, приведет ли эта деятельность к появлению уголовного дела, его прохождению через все стадии уголовного процесса и разрешению судом в форме приговора или завершится решением о том, что факт совершения преступления не нашел подтверждения, в связи с чем в возбуждении уголовного дела необходимо отказать.

В отечественной юридической традиции есть несколько устоявшихся терминов для обозначения деятельности, отделяющей государственную регистрацию факта гипотетического преступления от принятия по этому факту окончательного решения о наличии (отсутствии) признаков преступления и наличии (отсутствии) оснований для уголовного наказания. Наиболее распространенным является термин **уголовный процесс**, используемый в наименовании основного закона, регулирующего отношения в интересующей нас сфере, — Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Слово «процесс» происходит от латинского *processus*, т.е. «движение вперед», что подчеркивает *динамику* уголовно-процессуальной деятельности, когда уголовное дело движется из стадии в стадию, каждая из которых должна приближать нас к окончательному разрешению вопросов материального уголовного права (о преступлении и о наказании). Иначе говоря, здесь сам термин обозначает движение от преступления к наказанию, что отличает динамичный уголовный процесс от статичного уголовного права, поскольку к моменту начала уголовно-процессуальной деятельности преступление уже навсегда остается в прошлом — меняться могут лишь процессуальные знания о нем, выраженные в доказательствах и уголовно-процессуальных решениях.

Наряду с этим существует еще один термин — **уголовное судопроизводство**. Он встречается не только в юридической литературе, но и в Конституции РФ (ст. 118), а также в действующем российском законодательстве. Следует иметь в виду, что в *уголовно-процессуальном смысле* «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство» — абсолютные синонимы, использование которых одинаково допустимо для обозначения всей совокупности уголовно-процессуальной деятельности. Никого не должна вводить в заблуждение внешняя этимология слова «судопроизводство», отсылающая якобы только к судебным стадиям уголовного процесса. На самом деле, как указано

в п. 56 ст. 5 УПК РФ, понятие «уголовное судопроизводство» охватывает не только судебное, но и досудебное производство по уголовному делу, т.е. весь уголовный процесс в целом. Этому есть как историческое, так и теоретическое объяснение. С исторической точки зрения, первые российские автономные уголовно-процессуальные законодательные акты, кодифицировавшие весь отечественный уголовный процесс (включая его досудебные стадии) в ходе Судебной реформы Александра II, именовались *Основными положениями уголовного судопроизводства* 1862 г. и *Устав уголовного судопроизводства* 1864 г. В результате понятие «уголовное судопроизводство» стало повсеместно использоваться в российском правоведении даже раньше понятия «уголовный процесс», будучи в значительной мере вытеснено последним только в XX в. С тех пор взаимозаменяемость этих терминов стала отечественной доктринальной традицией, сохранившейся до наших дней и нашедшей отражение в УПК РФ. С теоретической точки зрения, понятие «уголовное судопроизводство» совершенно безупречно потому, что подчеркивает так называемую идею *полноты судебной власти*¹: любая несудебная профессиональная деятельность в уголовном процессе (полицейская, прокурорская, адвокатская, экспертная) существует для суда, находится под его непосредственным или опосредованным контролем и в конечном итоге служит интересам правосудия. Поэтому даже в тех случаях, когда уголовный процесс не является судебным в формальном смысле, он остается таковым по существу, т.е. всегда совпадает по объему с судопроизводством.

В то же время конституционно-правовой смысл понятия «уголовное судопроизводство» не всегда совпадает с уголовно-процессуальным. Так, например, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, где говорится о том, что «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон», имеет общеправовой характер и в одинаковой мере распространяется на конституционное, гражданское, административное судопроизводство. Поэтому уголовного судопроизводства она касается только в части его *судебных стадий*. Иное толкование с учетом специфики уголовного судопроизводства вряд ли возможно, поскольку в стадии возбуждения уголовного дела или предварительного расследования (особенно на начальных этапах) уголовно-процессуальная деятельность нередко ведется в отсутствие подозреваемого или обвиняемого с целью их установления, что исключает возможность даже постановки вопроса о «сторонах», их «равенстве» или «состязательности». В этом смысле следует иметь в виду, что ч. 1 ст. 15 УПК РФ воспроизводит конституционно-правовое понимание «уголовного судопроизводства», не в полной мере совпадающее с историческим уголовно-процессуальным толкованием данного понятия.

Уголовный процесс является не только неотъемлемым элементом правовой системы, но и автономной отраслью права, наличие и классический (фундаментальный) характер которой никем не ставится под сомнение ни в России, ни в других странах. Отсюда возникает еще одно понятие, обозначающее совокупность правовых предписаний, регулирующих уголовно-процессуальную деятельность, — **уголовно-процессуальное право**. В юридической терминологии оно является равноценным понятиям «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство» — все три понятия близки друг другу и фактически обозначают одно и то же, будучи взаимозаменяемыми и отличаясь лишь некоторыми смысловыми оттенками или, если угодно, углом

¹ См. об этом специальный § 3 настоящей главы.

зрения. В этом смысле понятие уголовно-процессуального права ставит акцент на нормативной регламентации уголовного процесса и его отраслевой автономии в системе права. Эта автономия сложилась исторически, когда, с одной стороны, между собой окончательно размежевались уголовно-процессуальное и уголовное право, а с другой стороны — уголовный и гражданский процессы. Кроме того, особое значение для автономии уголовно-процессуального права имеет идея правосудия и теория полноты судебной власти. Все эти вопросы будут рассмотрены в следующих параграфах данной главы.

§ 2. Уголовный процесс и уголовное право

Соотношение уголовного процесса с уголовным правом лежит в плоскости хрестоматийного деления современного права на *материальное* и *процессуальное*. Противопоставление материального и процессуального права представляет собой одну из ключевых правовых дихотомий (противопоставляемых друг другу парных категорий), которая сопоставима по своему значению с делением права на публичное и частное, право в объективном смысле и право в субъективном смысле и др. Терминология здесь восходит к появившемуся в средневековой философии разделению «материального», т.е. относящегося к существу вещей, и «формального», т.е. относящегося к их форме. Поэтому в некоторых языках материальное право именуется «правом существа» (например, англ. *substantive law*; фр. *droit substantiel* или *droit de fond*¹), а для обозначения процессуального права нередко используется термин «право формы» (например, фр. *droit formel* или *droit de forme*).

Материальное право регулирует *существо* запретов и дозволений, прав и обязанностей, действующих в том или ином обществе. Необходимость в процессуальном праве возникает в случае нарушения соответствующих запретов или обязанностей и появления *правового спора*, который должен быть рассмотрен в строгом соответствии с установленными юридическими процедурами. Поэтому существо спора всегда остается материально-правовым. Учитывая отмеченные выше терминологические нюансы, юридическое выражение *рассмотрение (разрешение) спора по существу* или, что одно и то же, *рассмотрение (разрешение) дела по существу* всегда означает рассмотрение (разрешение) вопросов материального права, ставших основанием возникновения процессуальной деятельности, поскольку «материальное право» — это и есть «право существа».

В то же время в отличие от деления права на публичное и частное, известного со времен римского права, доктринальное и нормативно-правовое разграничение материального и процессуального права является относительно новым явлением в правоведении. Ни римскому, ни раннему средневековому праву оно известно не было — там вопросы материального и процессуального права оставались перемешаны между собой. В современной науке считается, что решающий вклад в теоретическое осмысление различия между материальным и процессуальным правом принадлежит представителю школы г. Бурж французскому романисту Югу Доно (в латинской транскрипции Донеллус — Donellus), который во второй половине XVI в. отделил субъективные права в материальном смысле от процессуальных спо-

¹ Французская терминология вообще чрезвычайно богата в этом плане на синонимы, хотя господствующим является все-таки термин *droit matériel*, т.е., как и в России, «материальное право».

собов их защиты и на основании этого разграничил право в материальном смысле от процесса¹. Впрочем, ничуть не преуменьшая персональных заслуг Ю. Доно, в тот период идея уже витала в воздухе, свидетельством чему являются труды некоторых его современников — другого француза Ф. Коннана, немца Й. Альтузиуса и др. Другое дело, что все эти ученые еще рассматривали право в целом, не уделяя серьезного внимания его делению на гражданское и уголовное, будучи сосредоточены в основном на частноправовых вопросах.

Примерно в тот же период происходило размежевание гражданского и уголовного права², при проведении которого невозможно было, конечно, учесть идею противопоставления материального и процессуального права. Она создавалась в те же дни, какое-то время оставаясь сугубо доктринальной и далеко не общепризнанной. Поэтому уголовное право отделилось от гражданского единым блоком — без деления на материальное уголовное право и уголовный процесс. Понадобилось еще примерно два столетия, чтобы с учетом отмеченных научных достижений окончательно понять разницу между ними и закрепить ее на уровне двух автономных кодексов. Произошло это уже в начале XIX в., когда в ходе наполеоновских кодификаций во Франции были разработаны и приняты два автономных кодекса, один из которых кодифицировал *материальное уголовное право*, а другой — *уголовно-процессуальное*. С этого момента их формальное и научное разграничение стало свершившимся фактом³. В России оно состоялось в середине XIX в., начавшись с принятия автономного уголовного закона (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.) и завершившись принятием автономного уголовно-процессуального закона (Устав уголовного судопроизводства 1864 г.).

В целом в основу разграничения материального уголовного права и уголовного процесса положены общетеоретические подходы, изложенные выше, но с учетом, разумеется, специфики предмета регулирования. Материальное уголовное право объединяет нормы, касающиеся существа опасного для общества и запрещенного под страхом наказания поведения, т.е. нормы о преступлениях и наказаниях за них. Уголовно-процессуальное право объединяет нормы, касающиеся юридических процедур разрешения и рассмотрения споров, вытекающих из нарушения уголовно-правовых запретов. В то же время в отличие от гражданского права здесь есть еще существенная особенность, связанная со сложностью установления сторон таких споров, в связи с чем становится невозможно сразу же приступить к их судебному рассмотрению. Иначе говоря, если в гражданском процессе ответчик по спору всегда известен, то в уголовном процессе обвиняемого требуется установить. Поэтому уголовно-процессуальное право регулирует не только порядок разрешения и рассмотрения споров о преступлении и наказании, но и порядок расследования уголовных дел. Характерно, что упоминавшаяся выше первая автономная кодификация уголовно-процессуального права, имевшая место во Франции в ходе наполе-

¹ См.: Stein P. Le droit romain et l'Europe. Essai d'interprétation historique. 2 éd., Genève; Zurich; Bâle, 2004. P. 97–98.

² См. об этом подробнее § 4 гл. 1 настоящего курса.

³ Даже в странах англосаксонской традиции, сохранивших верность идее единого Криминального кодекса — *Criminal code*, объединяющего на уровне единой кодификации нормы материального уголовного и уголовно-процессуального права (Канада, Мальта, английские проекты и др.), необходимость доктринального разграничения материального уголовного права (*substantive criminal law*) и уголовного процесса (*criminal procedure*) ни у кого не вызывает сомнений.

оновских реформ, называлась не Уголовно-процессуальный кодекс, как принято сейчас, а *Кодекс уголовного следствия* (1808), действовавший наряду с Уголовным кодексом (1810). Ныне такое наименование не применяется, в том числе в самой Франции, но расследование остается неотъемлемым элементом уголовно-процессуального права.

В то же время, невзирая на четкое нормативно-правовое и доктринальное современное деление уголовного права и уголовного процесса, между ними сохраняется тесная взаимосвязь, причем даже значительно более тесная, чем между другими корреспондирующими друг другу отраслевыми парами, например, гражданским правом и гражданским процессом. Последние не подразумевают абсолютной взаимозависимости: гражданское право может применяться в разных процессуальных формах (гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, третейское разбирательство и т.д.), а иногда и вовсе без них (добровольное исполнение и т.п.); гражданский процесс в свою очередь используется для разрешения споров, вытекающих не только из гражданского, но и из иных отраслей права (семейного, трудового и т.д.), включая подчас даже публично-правовые отрасли (административные споры). Для уголовного права и процесса такая ситуация немыслима.

Уголовное право может применяться исключительно в уголовно-процессуальной форме. Только уголовный суд, действующий в порядке уголовного судопроизводства, вправе разрешать по существу вопросы материального уголовного права, т.е. вопросы, связанные с совершением преступления и назначением за него наказания. Такой подход объясняется тем, что при совершении общественно опасного деяния (преступления) государство обязано, с одной стороны, обеспечить обществу и потерпевшему возможность добиться наказания виновного, а с другой стороны — предоставить лицу, обвиняемому в совершении преступления, максимальное число прав для защиты от обвинения. Для достижения указанных целей и обеспечения соответствующих гарантий прав обвиняемого, потерпевшего, да и общества в целом, необходимы специальные процессуальные формы, механизмы и конструкции, которыми располагает только уголовный процесс. Иными словами, только уголовный процесс специально адаптирован в современной правовой системе для рассмотрения вопроса о виновности (невиновности) лица в совершении деяния, запрещенного уголовным законом, и назначении за данное деяние наказания (освобождении от него). Поэтому ни гражданский, ни арбитражный, ни какой-либо иной суд, действующий в рамках иных видов судопроизводства, ни при каких обстоятельствах не вправе разрешать вопросы материального уголовного права, поскольку ни один из видов судопроизводства, кроме уголовного, не предоставляет для этого необходимых гарантий участникам процесса, да и не должен их предоставлять, будучи направлен на достижение других целей. Из этого правила вытекает множество конкретных технических положений, в частности, непризнание за решениями гражданского суда преюдициального значения для суда уголовного по вопросам виновности (невиновности) лица в совершении какого-либо преступления и др.¹ В правовой теории данный подход часто именуют *принципом независимости уголовно-правового спора* или, что одно и то же, *принципом автономии*

¹ Об институте преюдиции и связанных с ним проблемах в современном российском праве см. § 12 гл. 10 настоящего курса.

уголовного суда¹. В самом общем виде он означает исключительную прерогативу уголовного суда, действующего в рамках уголовного судопроизводства, оценивать и разрешать вопросы, касающиеся существа материального уголовного права.

Помимо постулата о том, что уголовное право может применяться только в порядке уголовного судопроизводства, существует и встречное положение, характеризующее особую взаимосвязь этих корреспондирующих друг другу отраслей права, — *уголовный процесс существует только для применения материального уголовного права*. Поэтому в порядке уголовного судопроизводства нельзя разрешать ни гражданские, ни административные, ни какие-либо иные споры, кроме уголовно-правовых. В этом смысле уголовный суд не может, скажем, признать лицо недееспособным, расторгнуть брак или отменить административное решение должностного лица. Единственным исключением является право уголовного суда разрешить гражданский иск, предъявленный в рамках уголовного дела. Однако это исключение имеет строго ограниченный характер и допускается только тогда, когда уголовное преступление одновременно является гражданским правонарушением².

§ 3. Уголовный процесс и правосудие: полнота судебной власти

Правовое государство основывается на верховенстве объективного права и субъективных прав граждан. Поэтому государство принимает меры по восстановлению нарушенного преступлениями правопорядка, в том числе посредством уголовного и уголовно-процессуального права (с учетом показанной выше специфики их соотношения).

Принципиально важно, однако, определить, какая ветвь государственной власти ответственна за обеспечение законности и охраны прав граждан от преступлений. В правовом государстве это бремя несет *судебная власть*, так как она, в отличие от иных ветвей власти, строится на началах *независимости и самостоятельности*³.

Независимость судебной власти означает запрет произвольного вмешательства в ее деятельность со стороны иных ветвей власти. Самостоятельность судебной власти — это достаточность принадлежащих ей полномочий, возможность беспрепятственно выполнять свое назначение через систему определенных органов⁴.

Самостоятельность судебной власти гарантируется в первую очередь *осуществлением правосудия только судом*. Это означает, что основной вопрос или существо уголовного дела (имеет ли государство право на наказание в данном случае и если имеет, то в каком объеме) и связанные с ним вопросы (применение отдельных мер процессуального принуждения, проверка законности, обоснованности и справедливости приговора и др.) могут разрешаться *только судом в рамках специальной процедуры, именуемой судопроизводством*⁵.

¹ См., например: *Bonfils Ph. Droit pénal des affaires*. Paris, 2009. P. 56–57.

² См. об этом гл. 9 настоящего курса.

³ Понятие и гарантии независимости и самостоятельности судебной власти подробно изучаются в учебном курсе, посвященном судоустройству и правоохранительным органам.

⁴ Таким образом, судебная власть гипотетически может быть независимой, но несамостоятельной (например, когда реализация полномочий судебной власти требует постоянных обращений к органам исполнительной власти, которые хотя и не вмешиваются в деятельность судебной власти, но и не помогают ей), что нежелательно.

⁵ См. также § 1 настоящей главы.

Однако полномочия судебной власти в уголовном процессе *не ограничиваются правосудием*. Как правило, в качестве самостоятельного полномочия судебной власти рассматривается *обеспечение исполнения судебных решений*¹. На судебную власть может возлагаться также полномочие по *расследованию преступлений*². Перечисленные полномочия также реализуются путем судопроизводства.

Таким образом, идея *процесса, процедуры* как формы реализации полномочий судебной власти изначально связана с деятельностью суда как ее главного органа и является одной из *фундаментальных гарантий ее независимости*: упорядоченность действий суда *законом* препятствует произвольному вмешательству в его работу.

Однако в уголовном процессе могут быть стадии, в которых суд не является основным участником³. Формализация несудебной (например, полицейской) деятельности *в том же объеме, как судебной*, в принципе, необязательна. Более того, при принятии решения о начале расследования формализация может быть вредна, потому что она замедляет проверку информации о преступлении и способствует огласке, нежелательной как для самой проверки (ибо может помочь преступнику скрыться), так и для обеспечения прав граждан (ибо на невиновного может быть возведено неосновательное подозрение).

Сказанное не означает, что полицейская деятельность вообще не нуждается в регламентации. Так, охрана прав личности требует формализации процедур ограничения этих прав и установления действенного судебного контроля над законностью указанных ограничений. Регламентация полицейской деятельности обусловливается и тем, что данная деятельность *предшествует судебной* и должна создавать предпосылки для дальнейшего использования результатов полицейского расследования.

Однако полномочий по осуществлению правосудия и обеспечению исполнения судебных решений для построения самостоятельной судебной власти недостаточно, поскольку реализация этих полномочий не исчерпывает содержание уголовного судопроизводства. Объем принадлежащих судебной власти полномочий по контролю над *всем* ходом уголовного процесса отражает *полноту судебной власти*. Указанные полномочия могут реализовываться не только судами, но и *иными органами*, если они отнесены к судебной власти. Так, по Судебной реформе 1864 г. судебные следователи, прокуратура, присяжные поверенные и судебные приставы входили в состав судебного ведомства, будучи «вспомогательными органами суда». Следовательно, их полномочия (руководство дознанием, осуществление предварительного следствия, поддержание государственного обвинения, исполнение отдельных судебных решений и надзор за их исполнением, защита по уголовным делам) также могли рассматриваться как делегированные полномочия судебной власти, отражавшие высокую степень ее полноты.

¹ Самостоятельность данного полномочия судебной власти объясняется тем, что на момент исполнения судебного решения основной вопрос уголовного дела *уже разрешен* и задачей суда является приведение вынесенного судебного решения в соответствие с новыми обстоятельствами, непосредственно не связанными с преступлением (например, применение обратной силы уголовного закона, условно-досрочное освобождение и т.п.).

² Это полномочие реализуется особым *следственным судьей (судебным следователем)* в современной Франции, Бельгии, а также в дореволюционной России по Судебной реформе 1864 г. и в первые годы советской власти (подробнее см. гл. 4 настоящего курса).

³ Подробнее см. § 1 гл. 2 настоящего курса.

Иначе говоря, такие органы и учреждения, как полиция, прокуратура, адвокатура и др., не будучи частью судебной власти в *институциональном* (организационном) смысле, выполняют процессуальные функции, без которых осуществление правосудия оказывается невозможным, т.е. становятся частью судебной власти в *функциональном* смысле. Именно поэтому классической процессуальной теории известны такие понятия, как «судебная полиция» или «судебная адвокатура», которые вовсе не означают организационную принадлежность сотрудников полиции или адвокатов судебному ведомству. Смысл этих понятий в другом — показать, что с точки зрения уголовного судопроизводства любая деятельность полиции, прокуратуры или адвокатуры направлена на достижение целей правосудия, осуществляемого только судом, что и составляет существо понятия **полнота судебной власти**.

В то же время в современном российском уголовном процессе судебная власть далеко *не полна*, что в значительной мере объясняется историческими причинами.¹ Это в определенной степени объясняет и теоретическое забвение идеи полноты судебной власти в отечественной процессуальной науке, в том числе в ходе современной российской судебной реформы, начавшейся на рубеже 1980-х—1990-х годов.

§ 4. Уголовный процесс и гражданский процесс

Хрестоматийное для большинства современных правовых порядков разграничение уголовного и гражданского процессов не является само собой разумеющимся в исторической ретроспективе. Оно стало результатом доктринальной и нормативно-правовой эволюции права последних нескольких столетий (начиная примерно с XVI—XVII вв.), прежде всего в континентальной Европе. Если оценивать более ранние периоды, то сама постановка вопроса об автономии друг от друга уголовного и гражданского процессов выглядит невозможной, главным образом в связи с совершенно иным пониманием категории «гражданское право», не имеющим ничего общего с современным. Так, в римском праве гражданское (цивильное) право противопоставлялось отнюдь не уголовному праву, а преторскому праву и праву народов (*jus gentium*)², т.е. здесь действовал совершенно иной критерий, сопоставимый скорее с сегодняшним делением статутного и прецедентного права, национального и международного права и т.п. В Средневековый период категория гражданское право (*jus civile*) использовалась в том же духе для обозначения корпуса норм, содержащихся в Своде гражданского права (*Corpus juris civilis*) и включающих книги 47 и 48 Дигест Юстиниана, регулировавшие уголовно-правовые вопросы. В этом смысле гражданское право как автономная правовая система по формальному признаку отделялось уже от двух других правовых систем: канонического (церковного) и кутюмного (обычного) права. Применительно к римскому или Средневековому периоду совершенно корректным будет немыслимое сегодня утверждение, что уголовно-процессуальные вопросы (в нынешнем понимании) регулируются гражданским правом. Более того, в средневековый период если уголовный процесс и был отделен от гражданского процесса, то только на уровне канонического права, развивавшего свой собственный уголовный процесс. Именно каноническое право

¹ См., например, § 2 гл. 14 настоящего курса и др.

² См., например: Римское частное право / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 1948. С. 20—21.

сыграло в тот момент колоссальную роль в развитии уголовно-процессуальной техники¹. Вне церковных судов никакого четкого разделения между гражданским и уголовным процессом не существовало и существовать не могло, поскольку уголовно-правовые вопросы регулировались либо обычным правом, либо гражданским правом, имея в виду Свод гражданского права (*Corpus juris civilis*).

Поэтому событием огромного масштаба для формирования современных правовых систем стало выделение уголовно-правовых норм из состава *Corpus juris civilis* и их кодификация на уровне специальных уголовных законов, пусть и не знавших еще внятного деления, как отмечалось выше, на материальное уголовное право и уголовный процесс. В Германии это произошло с принятием знаменитой Каролины — Уголовного уложения Карла V (*Constitutio Criminalis Carolina*) 1532 г., во Франции — окончательно с принятием Уголовного ордонанса Людовика XIV 1670 г., хотя отдельные королевские ордонансы, направленные на автономизацию уголовного права, стали появляться еще в XVI в. Не в последнюю очередь формальное отделение уголовного права от гражданского объяснялось экономическими причинами, а именно необходимостью наведения порядка на крупных торговых артериях, т.е. на дорогах, где бесчинствовали грабители, насильники, убийцы — легендарные «разбойники с большой дороги»². Справиться с этим собственными средствами в частно-исковой форме (характерной для Средневековья) торговцы уже не могли, понадобилось (в том числе под их давлением и по их просьбе) вмешательство укреплявшейся политически и экономически центральной власти. Скажем, во Франции целая серия законодательных актов (Парижский эдикт 1532 г., ордонансы 1539, 1560, 1579 гг.) обязала органы юстиции реагировать на преступления *ex officio* (независимо от частной жалобы), рассматривать такие дела в приоритетном порядке перед остальными (сугубо гражданскими), соединять в одно производство вопросы гражданского и уголовного права. Именно тогда, причем в основном по сугубо экономическим причинам, стала формироваться хорошо знакомая нам сегодня модель автономной уголовной юстиции с публичным уголовным преследованием, активностью следствия и прокурора, институтом гражданского иска в уголовном процессе и т.д. Данные реформы благотворно сказались и на развитии гражданского права. После выделения уголовного права и процесса вместе с некоторыми иными отраслями (торговым правом, гражданским процессом) сохранившаяся часть *Corpus juris civilis* позволила по остаточному принципу сформировать предметные границы сегодняшнего гражданского права, определить пределы этой фундаментальной отрасли права и подготовить ее важнейшую для современного права кодификацию — Гражданский кодекс Наполеона 1804 г.

При этом произведенное во Франции королевскими ордонансами конца XVII в. размежевание гражданского права, гражданского процесса и уголовного права (вместе с процессом) позволило подготовить окончательное разделение не только уголовного права и процесса (о чем уже говорилось), но и гражданского процесса с уголовным процессом, которое произошло в континентальной Европе в ходе наполеоновских кодификаций начала XIX в. и выразилось в принятии отдельных *уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной кодификаций*. С тех пор воз-

¹ См. подробнее гл. 3 настоящего курса.

² *Jeanclous Y.* La justice pénale en France: dimension historique et européenne. Paris, 2011. P. 16.

врата к прежнему единству процессов быть уже не могло. В других странах Европы этот процесс происходил несколько сложнее даже после отделения уголовного права от гражданского права. Так, первые в современном понимании кодексы, принятые в Баварии (Германия), включали Уголовный кодекс 1751 г., Гражданский кодекс 1756 г. и единый *Судебный кодекс* 1756 г., сводивший вместе уголовный и гражданский процессы в духе теории единого судебного права, не забытой до сих пор, к чему мы еще вернемся. Уже с учетом французского опыта четкое разделение уголовного и гражданского процессов, в том числе на уровне автономных кодификаций, стало общепринятым в основных европейских правовых порядках только в течение XIX в. В России оно выразилось в принятии отдельных друг от друга Устава уголовного судопроизводства и Устава гражданского судопроизводства в ходе Судебной реформы 1864 г.

В то же время уголовное судопроизводство и гражданское судопроизводство ныне существуют абсолютно автономно друг от друга только на процессуальном уровне. С точки зрения судоустройства и статуса судей, существует противоположный принцип — *единства гражданской и уголовной юстиции*. Он проявляется в наличии единых судов общей юрисдикции, призванных разрешать как гражданские, так и уголовные дела¹. В результате один и тот же судья компетентен рассматривать и гражданские, и уголовные споры. Часто так и происходит, например при производстве у мировых судей, в малосоставных районных судах или, допустим, в Президиуме Верховного суда РФ. Существует, конечно, и определенная специализация, проявляющаяся, в частности, в наличии во многих судах особых коллегий по уголовным делам и по гражданским делам. Однако она в любом случае имеет сугубо технический характер и не отражается на статусе судей судов общей юрисдикции, одновременно являющихся и гражданскими, и уголовными судьями. Иными словами, ни уголовное судопроизводство, ни гражданское судопроизводство не рассматриваются в качестве специализированных видов производства, ограничивающих предметную компетенцию судьи.

Но сугубо судоустройственным принципом единства гражданской и уголовной юстиции взаимосвязь уголовного процесса с гражданским не ограничивается. Она существует и на процессуальном уровне, пусть и в гораздо более скромном объеме. Так, например, можно упомянуть институт межотраслевой преюдиции, когда, допустим, обстоятельства, установленные приговором по уголовному делу, не нуждаются в доказывании в рамках гражданского судопроизводства (ст. 61 ГПК РФ) или когда по некоторым делам обязательным условием уголовного преследования является соответствующее решение гражданского суда (допустим, уголовное преследование по ст. 157 УК РФ за «неуплату родителем без уважительных причин в нарушение решения суда средств на содержание несовершеннолетних детей» требует обязательного решения гражданского суда о взыскании алиментов). Другим примером служит обязанность суда приостановить производство по гражданскому делу в случае невозможности его рассмотрения до разрешения другого дела в порядке уголовного судопроизводства (ст. 215 ГПК РФ) или право суда удовлетворить гражданский иск, предъявленный в уголовном процессе,

¹ Этот принцип распространяется только на гражданскую юстицию в тесном смысле, но не на арбитражную юстицию, являющуюся автономной, хотя ныне и с определенными оговорками после создания единого Верховного Суда РФ.

и передать вопрос о размере возмещения на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства (ст. 309 УПК РФ)¹.

Историческая, судоустройственная и отчасти содержательная близость уголовного и гражданского процессов приводит даже к тому, что периодически в отечественном правоведении обсуждается идея о конструировании некоей новой отрасли права — единого *судебного права*, состоящего из общей части, где можно сгруппировать общие для уголовного и гражданского судопроизводства институты, и особенной части, где можно закрепить специфические институты, присущие каждому из этих видов судопроизводства². Надо признать, что определенные исторические (как мы видели), теоретические и сравнительно-правовые основания у так называемой «теории единого судебного права» есть. Скажем, в отдельных европейских странах (Дания, Швеция), не испытавших французского влияния, процессуальное регулирование осуществляется на уровне единых процессуальных (судебных) кодексов, т.е. без четкого формального деления на уголовный и гражданский процессы. В то же время в нашей стране существование автономных уголовного и гражданского процессов, урегулированных на уровне отдельных кодексов (УПК и ГПК), давно уже стало устоявшейся традицией, отказываться от которой нет ни малейшего резона. К тому же в последние десятилетия тенденцией стало скорее расщепление гражданского процесса и появление специализированных видов судопроизводства (арбитражный процесс, административный процесс), нежели создание единого судебного права.

§ 5. Уголовный процесс и производство по делам об административных правонарушениях: новые тенденции

В соответствии с господствующим в современном российском праве представлением уголовный процесс и производство по делам об административных правонарушениях, регулируемое КоАП РФ, составляют совершенно автономные правовые явления. Считается, что производство по делам об административных правонарушениях, которое иногда даже называют административным процессом и неправильно смешивают с административной юстицией (оспариванием частными лицами неправомерных действий государственной администрации — должностных лиц), не имеет никакого отношения к уголовному процессу, поскольку является процессуальной формой реализации не уголовного права, а административно-деликтного права (в рамках концепции административной ответственности, противопоставляемой уголовной ответственности). Их пересечение может происходить только на уровне так называемого института *административной преюдиции*, когда обязательным условием уголовного преследования лица является его предварительное привлечение за то же деяние к административной ответственности в порядке, установленном КоАП РФ. В свое время административная преюдиция получила широкое распространение в советском праве, затем в постсоветский период от нее отказались, но не так давно этот институт был реанимирован в современной России, а сегодня активно развивается. Так, например, после принятия законов

¹ См. § 5 гл. 9 настоящего курса.

² См., например: Мельников А.А., Полянский Н.Н., Савицкий В.М., Строгович М.С. Проблемы судебного права / Под ред. В.М. Савицкого. М., 1983; Мурадян Э.М. Судебное право. СПб., 2007.

от 21 июля 2011 г.¹ и от 8 декабря 2020 г.² уголовное преследование за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151¹ УК РФ) либо за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280¹ УК РФ), допускается только в отношении лиц, ранее привлекавшихся за совершение указанных деяний к административной ответственности. Институт административной преюдиции существует и в некоторых других постсоветских странах³, хотя отношение к нему специалистов остается неоднозначным.

В то же время соотношение уголовного процесса и производства по делам об административных правонарушениях остается более сложным, чем иногда принято думать, причем далеко не только в аспекте административной преюдиции. Чтобы его понять, необходимо кратко проследить исторический генезис развития концепции «административных правонарушений» (в материально-правовом и процессуальном плане).

Напомним, что классический для Европы французский УК 1810 г., заложивший основы современного европейского уголовного права, содержал трехчленную классификацию преступных деяний (нарушений уголовного закона), выделяя наряду с собственно преступлениями (*crimes*) также «уголовные проступки» (*délits*) и «уголовные правонарушения» (*contraventions*). Уголовными правонарушениями являлись мелкие нарушения уголовного закона, наказуемые исключительно «полицейскими наказаниями», прежде всего штрафом, дела о которых рассматривали так называемые «полицейские суды»⁴, уголовными проступками — более серьезные нарушения уголовного закона, наказуемые так называемыми «исправительными наказаниями», включавшими уже более строгие санкции вплоть до лишения свободы на несколько лет, дела о которых рассматривали так называемые «исправительные суды», состоявшие из нескольких профессиональных судей, а уголовными преступлениями — самые опасные нарушения уголовного закона, наказуемые так называемыми «уголовными наказаниями» (смертная казнь, каторга, длительное лишение свободы), дела о которых рассматривали суды присяжных. При этом процессуальный порядок возложения уголовной ответственности за совершение преступлений, проступков и правонарушений регулировался единым Уголовно-процессуальным кодексом⁵. Заложенная во Франции при проведении первых европейских кодификаций уголовного и уголовно-процессуального права концепция исходила из того, что *любое* нарушение закона, наказуемое государством, входит в состав уголовного права независимо от строгости наказания (от штрафа до смертной казни), а ответственность за него может реализовываться исключительно в уголовно-процессуальном порядке. Само уголовное право являлось уже не только и не столько правом о преступлениях, сколько правом о наказаниях

¹ Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 253-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции».

² Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

³ См., например, ст. 32 УК Республики Беларусь.

⁴ Речь шла о полноценных судебных органах, но в их процессуальном наименовании (полицейские суды) находила отражение идея, что они рассматривают дела о нарушении общественного порядка.

⁵ Напомним, что первый французский УПК 1808 г. официально именовался Кодексом уголовно-процессуального следствия.

(публично-правовых санкциях, налагаемых на индивида), что нашло отражение в большинстве языков (фр. *droit pénal*; ит. *diritto penale*; нем. *Strafrecht*; серб. или болг. *наказателно право*). Французская концепция очень быстро стала господствующей в Европе. Не обошла она стороной и Российскую империю, где наряду с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных¹ 1845 г. действовал также Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., считавшийся полноправным источником уголовного права, заключавшим «в себе постановления о сравнительно менее важных преступных деяниях, подлежащих юрисдикции единоличных судей»². При применении обоих источников уголовного права действовал единый уголовно-процессуальный закон — Устав уголовного судопроизводства 1864 г.

В XX столетии классическое уголовное право и процесс столкнулись с новыми вызовами — колоссальной технологизацией общественной жизни (дорожное движение, транспорт, промышленность, строительство и т.д.), в результате которой число наказуемых штрафом мелких «уголовных правонарушений» (превышение скорости, неправильная парковка автотранспорта и т.д., и т.п.) стало расти как «снежный ком». Классическая уголовная юстиция, построенная на традиционных судебных процедурах, справиться с ними уже не могла.

Со сравнительно-правовой точки зрения, обнаружились два варианта решения проблемы резкого роста числа мелких уголовных запретов, наказуемых штрафом:

Вариант первый. Некоторые страны (Франция, Бельгия и др.) сохранили трехчленную классификацию преступных деяний, оставив «уголовные правонарушения» в формальных границах своих УК. Но в качестве противовеса они максимально упростили производство по ряду «уголовных правонарушений», часто переводя их из судебной компетенции в компетенцию административных органов (прежде всего полиции). Именно так, например, выглядит современный французский уголовно-процессуальный институт *amende forfaitaire*, когда полиция предлагает нарушителю правил дорожного движения добровольно уплатить фиксированный размер штрафа. Другой вопрос, что в случае отказа дело должно слушаться судом по вполне традиционным правилам со всеми уголовно-процессуальными гарантиями. Как бы то ни было, предлагая уплатить штраф, полиция действует на основании УПК (нормы об упрощенных процедурах), так как никакого КоАП во Франции нет. В такой ситуации речь идет не о материально-правовой, но о сугубо уголовно-процессуальной технике преодоления проблемы роста числа уголовных правонарушений и перегруженности судов (за счет большей дифференциации уголовного процесса³).

Вариант второй. Другие страны (Германия, Италия и т.д.), к числу которых относится и Россия, поступили иначе. Они официально вывели мелкие «уголовные правонарушения» из своих УК. При этом бывшие «уголовные правонарушения» превратились просто в «мелкие правонарушения», которые иногда начали обозначать в качестве «административных» в той мере, в какой санкции за их совершение стали возлагать не суды, а сугубо административные органы. Так, в Германии после ряда локальных реформ (1952, 1962, 1968 гг.) данная идея получила окончательное

¹ Обратим внимание на наименование этого законодательного акта, в котором нашла отражение французская идея разграничения «уголовных» (за преступления) и «исправительных» (за проступки) наказаний.

² Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. 2-е изд. М., 1912. С. 86.

³ О понятии дифференциации уголовного процесса см. § 1 гл. 2 настоящего курса.